

На следующий день после утреннего приема у Тан Цяня сильно раскалывалась голова, и он чувствовал себя совершенно разбитым. В последнее время это стало почти нормой, и день ото дня ситуация ухудшалась. Ведь никто не способен выдержать постоянное отсутствие сна и отдыха. Единственное, что немного утешало Тан Цяня, — это то, что сегодняшние страдания были примерно такими же, как вчера. Возможно, дело в том, что вчера под чтение маленького евнуха Ши Нина он довольно комфортно отдохнул какое-то время.

Эти мысли заставили его, как только он оказался в кабинете, немедленно начать искать того самого евнуха среди слуг.

Хотя вчера всё его внимание было приковано к мягкому и странному голосу этого Ши Нина, сегодня он без труда нашел его в рядах молчаливо стоящих слуг. Тот был худощавым, но стройным, поясок подчеркивал узкую и гибкую талию, черные как смоль волосы были аккуратно убраны, открывая участок нежной белой шеи. Он опустил голову, не было видно его лица, но можно было почувствовать гладкую и нежную кожу.

Или, возможно, в этом было какое-то неуловимое, но реально существующее обаяние, из-за чего этот маленький евнух, ранее растворяющийся в толпе, стоило ему попасть в поле зрения, так резко выделялся из остальных.

Тан Цянь загорелся интересом и, указав на евнуха, сказал:

— Ши Нин, останься служить, остальные могут идти.

— Слушаюсь.

Не знаю, показалось ли ему, но сегодня голос Ши Нина, хотя и оставался прекрасным и мелодичным, потерял ту долю сладострастия и лени, что была вчера, и приобрел нотку чистоты и спокойствия. Между ними трудно было сказать, что лучше, но хотя первый и был приятен для слуха, второй, в отличие от первого, мог заставить его сердце успокоиться, так что вся усталость и раздражение за день в этот момент незаметно улеглись.

Тан Цянь слушал всё с большим увлечением, и в какой-то момент его полузакрытые глаза слегка приоткрылись, и он сосредоточенно уставился на читающего евнуха. Тот читал сосредоточенно, с интонациями, и этот чудесный голос заставлял Тан Цяня слушать без конца, надеясь, что это будет длиться вечно.

Заметив, что голос Ши Нина стал немного сухим и хриплым, он понял, что прошло уже много времени. Он поспешно махнул рукой, заставив евнуха остановиться и попить чая, чтобы смочить горло.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — почтительно произнес Ши Нин, принимая чашку.

Воспользовавшись моментом, Тан Цянь внимательно разглядел лицо этого маленького евнуха. К своему удивлению, он обнаружил, что Ши Нин был невероятно хорош собой, обладая красотой весенних цветов и осенней луны. В этом возрасте, когда трудно определить пол, он, хоть и выглядел немного юным, не уступал в красоте самым прекрасным красавицам гарема.

Чай увлажнил его красные губы, делая их ещё более соблазнительными. Редким достоинством было легкое покраснение в уголках глаз, когда евнух слегка запрокидывал голову, допивая напиток. Это напоминало хорошую рисовую бумагу, окрашенную gouge, в сочетании с ясными миндалевидными глазами — это было поистине трогательно.

Трогательно?

Тан Цянь тщательно обдумал свои фантазии. Да, это определение, которое обычно используется для красивых женщин, действительно подходило маленькому евнуху с такой внешностью.

С тех пор как у него началась бессонница, он уже давно не испытывал физиологических потребностей того рода. Те красавицы из гарема, которые наполнялись со всех концов света по мере того, как он объединял Поднебесную, казалось, утратили свою прежнюю прелесть и наоборот, с каждым днем становились всё более раздражающими и невыносимыми.

Говорят, что сытым по уму думается о плотских утехах, неужели у него спокойствие сердца породило досуг для таких мыслей?

Тан Цянь мысленно щелкнул языком и, взглянув на Ши Нина, почувствовал, что это уже не просто маленький евнух.

=====

В эту ночь Тан Цянь, как обычно, не мог уснуть. Ворочаясь в постели, он по какой-то причине вспомнил Ши Нина, вспомнил тот сладострастный и томный голос, который был у Ши Нина в самом начале, и от этого у него зачесалось сердце.

— Ко мне.

Своенравие — привилегия императора, тем более такого exceptionally вспыльчивого и решительного диктатора, который говорит и делает.

Так, спустя четверть часа, крепко спавший Ши Нин был приведен стражниками к лицу Его Величества. Хотя на нем была одежда, но по его растерянному, слегка влажным от слез глазам было нетрудно увидеть, что он всё ещё находится в полусонном состоянии.

Император вальяжно сидел на драконовой кровати, прогнал всех прочь и похлопал ладонью по пустому месту рядом, указывая Ши Нину подойти.

Это в корне противоречило четкому классовому расслоению эпохи Северная Чжоу. Если бы Ши Нин был в сознании, он наверняка бы осмотрительно и вежливо отказался, но сейчас он еще полностью не проснулся. Избалованность и лень, воспитанные в прошлой жизни, а также привычка знатных родов того времени противостоять императорской фамилии не заставили его почувствовать, что требование императора — это что-то невероятное.

Поэтому он послушно перебрался туда и, не найдя ни одного оправдания, сел на драконову кровать, и даже в полудремоте причмокнул, выражая удовлетворение мягкостью и жесткостью этой кровати.

Император и так сказал это наобум, не ожидая, что он действительно, не говоря ни слова, сделает так, как сказал. Он с удивлением приподнял бровь, подумав, что этот маленький евнух, когда не выспался, оказывается довольно забавным.

Он открыл рот:

— Ши Нин.

Ши Нин потер глаза, и в голосе, когда он заговорил, еще слышался сильный сонный оттенок:

— Да... мм... Ваше Величество?

Его неуверенный голос был мягким и тягучим, император заметил, что в этот момент это был именно тот голос, что был при первой встрече — с легкой приторностью и сладострастием, от которого при одном звуке вспоминались красные свечи, теплая занавеска, нежные ароматы и мягкая драгоценность. На самом деле, кроме случаев, когда он читал для него, в другое время Ши Нин привык использовать свой первоначальный голос. Неожиданно для него сейчас императору это как раз соответствовало его предыдущим фантазиям.

Он не смог удержаться и погладил прическу Ши Нина, обнаружив, что на вид аккуратный пучок на самом деле был лишь имитацией, результатом лени, может быть, потому, что пришел он слишком срочно? Не зная почему, увидев эту маленькую хитрость Ши Нина, Тан Цянь счел это исключительно забавным. Вдруг он вытащил деревянную шпильку Ши Нина, черные волосы рассыпались вниз, он потрогал их и спросил:

— Ши Нин, тебе очень хочется спать?

Ши Нин сонно кивнул.

— Ты не боишься меня?

Ши Нин кивнул, на мгновение застыл, а потом покачал головой, и наконец, поняв, что любой вариант, похоже, имеет двусмысленность, неуверенно произнес:

— Не боюсь.

Тан Цянь фыркнул со смехом. Он обнаружил, что хотя он позвал этого ребенка к себе, он не хотел делать с ним ничего такого. Этот маленький евнух по имени Ши Нин был всего лишь сонным ребенком, который не умеет скрывать свою истинную натуру. Но даже так, дразнить его разговорами, когда тот совершенно не хочет спать, было очень весело.

Спустя какое-то время сонность Ши Нина прошла, он постепенно вспомнил только что совершенные им свободные и несдержанные поступки, на мгновение, правда всего на мгновение, ему показалось, что у него по спине пробежал холодок.

Только... Ши Нин украдкой бросил взгляд на императора, который всё еще с интересом смотрел на него, и, когда их взгляды встретились, резко отвел глаза и смиренно опустил голову... Он с некоторым удивлением обнаружил, что, похоже, этот Чжоу У-ди не возмущен его дерзостью и даже... довольно воодушевлен?

Ну, в исторических книгах действительно говорилось, что Чжоу У-ди до того, как заболел безумием, не был мелочен и был великодушен и героичен.

Ши Нин не чувствовал, что будучи покорным маленьким евнухом сможет как-то повлиять на решения Чжоу У-ди и тем самым изменить будущую историю, поэтому, обнаружив, что Чжоу У-ди, похоже, не против его уместной дерзости, Ши Нин посчитал, что поймал неплохой шанс.

Шанс превратиться из маленького евнуха в Ши Нина.

Поэтому Чжоу У-ди вскоре обнаружил, что глаза маленького евнуха перед ним прояснились. Он помолчал какое-то время, а потом на его щеках появились два подозрительных румянца.

Ого! Маленький евнух проснулся?!

Чжоу У-ди с интересом наблюдал за ним и обнаружил, что под выражением лица, к которому тот старательно стремился, чтобы казаться спокойным, скрывалось богатое содержание, что было очень забавно.

Он не выдержал и рассмеялся:

— Наконец проснулся? Он погладил длинные рассыпанные волосы маленького евнуха и снова бросил взгляд на драконову кровать, на которой они сидели рядом. — Неопрятность в одежде и несдержанность перед лицом императора, маленький евнух, как же ты будешь наказан за это?

Ши Нин резко поднял голову, пара ясных миндалевидных глаз смело и прямо посмотрела на Тан Цяня, широко распахнутые, как у несчастного щенка. Вдруг он ярко улыбнулся, и от этой улыбки даже Тан Цянь, который привык видеть красоту, на мгновение потерял дар речи:

— Именно потому, что Ваше Величество мудр и божественен, и не мелочен, поэтому такие люди, как я, могут позволить себе быть слегка неопрятными и несдержанными, чтобы на мгновение расслабиться! Тан Цянь с удивлением смотрел на него, не ожидая, что этот маленький евнух с внешностью, подобной весенним цветам, с осанкой, полной духа и блеска, и с прекрасным голосом, сможет сказать такие льстивые слова так прямо и искренне.

Этот контраст... был немного слишком большим.

Однако именно этот огромный контраст заставил Тан Цяня на мгновение не принять это, но в то же время почувствовать тонкое комичное чувство.

В последнее время Тан Цянь чувствовал, что его странная болезнь бессонницы, продолжавшаяся несколько дней подряд, казалось, стала не такой серьезной. Хотя он по-прежнему не мог спать ни днем ни ночью, но днем, слушая мягкий и спокойный голос Ши Нина, раздражающая скука и боль успокаивались.

<http://bllate.org/book/17715/1655402>